

озере, в уединенном месте в глубине карельских лесов.

И. В. Федорова (Санкт-Петербург) в докладе «Паломнический сюжет в „Страшных видениях“ крестьянина Якова Ланшакова» продолжила наблюдения над текстом, издание которого осуществил в 2006 году Пигин. «Страшные видения», записанные со слов заводского крестьянина Нерчинского завода Якова Ланшакова в стенах Киево-Печерской лавры, повествуют о его болезни, видениях и обетном паломничестве в Иерусалим в 1850–1851 годах. Публикатор памятника Пигин рассматривал его как образец видения. Докладчица показала, что для произведения актуален и паломнический сюжет, реализованный двойкой — и как паломничество по русским святым местам, и как богомолье на Святую землю в «тонком сне» и наяву. В рассказе сибирского крестьянина этот сюжет прослеживается не только в последовательности описанных событий, но и на уровне образной системы, в темах и мотивах, традиционных для паломнического текста. Гармонизация жанров видения и паломнического рассказа в «Страшных видениях» Якова Ланшакова достигается благодаря «сюжетному параллелизму», при котором сначала событие показано автору в видениях, а затем аналогичный опыт он переживал в реальной жизни.

Доклад М. В. Рождественской (Санкт-Петербург) «Петербург-Ленинград. Два „текста“» был посвящен разным наименованиям Петербурга, который, как и Петрозаводск, связан с именем Петра Великого и также стал местом жизни и работы юбиляра. Материалом стали стихотворения о городе, включенные в антологию «Петербург-Петроград-Ленинград» (Л., 1975). Понятие «ленинградского текста» рассмотрено исследовательницей как продолжение и одновременно противопоставление «тексту» петербургскому. Присущие «петербургскому тексту» природные знаки сопровождаются знаками культурными, выстраивающими петербургскую мифологическую модель — конь, ладя (кораблик на шпилье Адмиралтейства), трубящий ангел, вводящий в петербург-

скую тему апокалиптический библейский мотив. Эта же модель свойственна не только «петербургскому» тексту, но трансформирована в тексте «ленинградском». Поэтические произведения демонстрируют, как на основе знакомых элементов «петербургского мифа» и «петербургского текста» (вода, воздух, демиург, камень и др.) создается новый советский миф о городе, включающий революционные и блокадные годы (город-воин, город-герой, город-памятник, город-книга и т. д.) — особый «ленинградский текст».

Конференция завершилась выступлением Ф. В. Панченко (Санкт-Петербург) «„Киими дарами духовными похвалит град наш Каргополь преподобнаго Александра?“: К истории певческого цикла Александру Ошевенскому». Житие и служба этому святому были составлены в 1567 году. В то время как Житие получило высокую оценку ученых, служба оказалась на периферии их внимания. Ее текст долгое время признавался неудовлетворительным, о чем сообщал еще чиновник Успенского собора XVII века. Бытовало в литературе и мнение об отсутствии официального почитания Александра Ошевенского вплоть до внесения его имени в печатные святцы 1646 года. Однако в состав наиболее полных стихирарей конца XVI и XVII века последовательно входит служба Александру Ошевенскому. Ее образцами и источниками стали службы двум русским святым: Варлааму Хутынскому (для стихир на литии) и Савве Освященному (для группы стихир на хвалитех). Заимствованные из этих служб фрагменты остались почти не тронуты, но все же адаптированы и частично переосмыслены. В рукописной традиции служба Александру Ошевенскому демонстрирует широкую вариативность песнопений, что предоставляет богатый материал для дальнейших исследований этого текста.

Видеозапись докладов (в двух частях) доступна на официальном YouTube-канале Пушкинского Дома.

© А. Б. Белова

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-260-264

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПЕРЕХОДНЫЕ ЭПОХИ В ЛИТЕРАТУРЕ: МОТИВАЦИЯ ОБНОВЛЕНИЯ»*

10–11 октября 2022 года в Пушкинском Доме состоялась международная научная конференция «Переходные эпохи в литературе:

мотивация обновления», посвященная 85-летию со дня рождения академика А. М. Панченко. Конференция проходила в смешанном формате с параллельной онлайн-трансляцией и собрал международный коллектив исследователей из России, Италии, Китая, Израиля. Со вступительным словом в день открытия

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 21-18-00527, <https://rscf.ru/project/21-18-00527/>, в ИРЛИ РАН.

к участникам обратился директор ИРЛИ РАН В. В. Головин.

Программа конференции продемонстрировала широту спектра поднимаемых в рамках изучения феномена переходности вопросов: в докладах рассматривались и частные историко-литературные сюжеты из разных, далеко друг от друга отстоящих эпох и национальных литератур, и общезначимые вопросы теоретического характера. Утреннее заседание первого дня работы научного форума вобрало в себя доклады, которые с разных сторон продемонстрировали актуальность идейного наследия академика А. М. Панченко, который, как подчеркнул С. И. Николаев, «изучением и осмыслением переходных эпох в истории русской литературы занимался всю свою научную жизнь». В выступлении «А. М. Панченко — исследователь переходных эпох» С. И. Николаев (Санкт-Петербург) на примере Петровской эпохи, одного из главных предметов ученых изысканий академика, осмыслил характерные признаки начал и концов переломных этапов. Так, докладчик указал на то, что «одним из признаков приближающегося переходного периода можно считать возрастающую в обществе атмосферу тревоги», а вот завершение его «обычно отмечено праздничными фейерверками и не вполне оправданным и очень преждевременным оптимизмом». Проанализировав ряд высказываний о новаторской роли Петра I, Николаев показал, что восторг перед беспрецедентностью деяний первого императора и оформлявшая его риторика обновления, акцентировавшая внимание на «невежестве» допетровской культуры, сослужили дурную службу, поскольку «долгое время давали основания для вердикта о разрыве русской культуры и, соответственно, литературы», т. е. утверждали скорее дискретный, нежели континуальный характер русского культурного (и литературного) процесса. А. М. Панченко же, по замечанию докладчика, всегда выступал против этой «дискретности», обращая внимание на существование сложной диалектики приобретений и утрат, а также на то, что все отрезки культурной истории, представляющей собой процесс единый, равноправны.

В выступлении М. Б. Плюхановой (Италия), которым продолжилось заседание, «Барокко у Розарио Виллари и у А. М. Панченко», были проведены параллели между идеями двух выдающихся ученых, исследовавших XVII век. Итальянский историк предложил именовать это время (конец XVI—XVII век) эпохой барокко, чтобы эксплицитно присущие этому времени черты, проявлявшие себя не только в искусстве и литературе, но также характеризовавшие в целом ментальность, социальные структуры, идеологии, институции. А. М. Панченко, употреблявший понятия «эпоха барокко», «люди барокко», предпочитавший, однако, для России использовать определение «бунташный век», с точки зрения Плюхановой, в сходном с Р. Виллари ключе подходил к пониманию единства XVII века

и человека XVII века. Оба ученых (один — в применении к западноевропейскому контексту, другой — к российскому) полагали, что эта эпоха отличалась динамизмом, хаотичностью, напряженностью, разного рода столкновениями. Плюханова отметила, что А. М. Панченко, чью исследовательскую оптику, по ее словам, определяла «научная и личная склонность к бунтовскому, „внесистемному“ на фоне системы, „неизящному“ на фоне стройного и культурного», изучал, как демократические, бунтовские элементы сталкивались с культурными традициями. Выделенные же Панченко и Виллари черты, характеризовавшие облик XVII века, позволяют продуктивно сопоставить такие, на первый взгляд, несопоставимые фигуры, как Т. Кампанелла и протопоп Аввакум, что и было сделано докладчицей.

А. В. Пигин (Санкт-Петербург) в своем выступлении обратился к рукописным произведениям XVII—XIX веков, в которых использован мировой сюжет, получивший на русском материале название «Марко Богатый» (СУС 461=930). Докладчиком были рассмотрены четыре произведения: «Приклад» о цесаре Конраде и рыцаревом сыне из Римских Деяний, «Сказание о богатом купце», повесть без заглавия из рукописного сборника Библиотеки Российской академии наук (Архангельское собрание, С. № 138) и «Повесть о богатом и убогом, и еже како неизменяемы суть судьбы Божия» из рукописных сборников печорского старообрядческого книжника XIX века И. С. Мяндина (два последних произведения были введены в научный оборот впервые). Основное внимание было уделено вопросу о генетических связях повестей и их взаимоотношениях с фольклорными сказками «Марко Богатый». Пигин оспорил предположение Е. К. Ромодановской о том, что фольклорные сказки о Марко Богатом возникли на основе литературных сочинений (типа «Сказания о богатом купце»). Текстологический анализ показал, что генетические связи между литературными произведениями не очевидны, а использование при их создании мотивов из устных версий сюжета «Марко Богатый» не подлежит сомнению. Он проник на русскую почву, таким образом, двумя путями — через перевод Римских Деяний, но не позднее XVII века — и через устную традицию, которая стала основным источником для оригинальных русских повестей на этот сюжет. Изучение повестей на сюжет «Марко Богатый» подтверждает ранее сделанные исследователями, в их числе и А. М. Панченко, выводы о путях формирования сюжетного фонда в русской литературе переходной эпохи: источниками для русских повестей XVII века служили в первую очередь переводные сборники и фольклор.

Выступление А. А. Панченко (Санкт-Петербург) «Крестыне, иконы и матерная брань: к исследованию религиозных и магических контекстов русского сквернословия» завершило заседание. Докладчик, отметив междисциплинарный характер проблемы, а также ее

относительную малоизученность, предложил свою интерпретацию культурно-исторических и фольклорно-этнографических материалов, самые ранние из которых датируются XVI веком, в противовес концепции Б. А. Успенского, основанной на аналогичном материале, который полагал, что сквернословие в дохристианской культуре славян было связано с представлениями об оплодотворении земли. Анализ приведенных в выступлении примеров в их историческом контексте позволил Панченко сделать ряд выводов — в частности, о том, что, вопервых, для предположения о глубинной дохристианской семантике широко понимаемой матерной брани нет достаточных оснований, и, во-вторых, о том, что «изобретение» матерной брани и наполнение ее религиозными смыслами происходит в Московском государстве XVI–XVII веков в контексте нескольких волн борьбы с народными обычаями. Кроме того, можно предполагать и независимое происхождение религиозного прочтения сквернословия.

Вечернее заседание было открыто сообщением Лю Вэньфэй (Китай) о ходе работы над готовящейся «Историей русской литературы в 6 томах», одним из авторов которой докладчик является. Предполагается, что издание увидит свет в конце 2023 года. Объясняя насущную необходимость для китайской русистики в подобном труде, Лю Вэньфэй указал на то, что предпринятая работа должна будет соединить разработки русских и западноевропейских ученых с результатами китайских исследователей за более чем столетие изучения русской литературы. Докладчик выразил надежду на то, что этот многотомный труд станет «историей русской литературы с китайской характеристикой» и ляжет в основу китайской школы исследования истории русской литературы.

В последовавшем затем докладе «Библиотеки в мифотворчестве Москвы XVI в. как культурная новация» Д. М. Буланин (Санкт-Петербург) рассмотрел разные варианты легенды о библиотеке греческих книг, будто бы существовавшей в Константинополе или в Москве (Андрей Курбский, Сказание о Максиме Греке, «Ливонская хроника» Франца Ниенштедта, Иван Пересветов). Идеологи Москвы увидели в такой библиотеке один из атрибутов «сакрального царства», образ которого они моделировали по подобию Византийской империи.

Выступление А. В. Волкова (Санкт-Петербург) «„Келейный летописец“ Дмитрия Ростовского: на рубеже традиций» было посвящено последнему крупному сочинению ростовского митрополита, вобравшему в себя основные темы ученых и литературных занятий святителя. «Келейный летописец», представляющий собой комментированное изложение библейской истории, снабженное толкованиями и нравочужениями, а также экскурсами в историю государств Древнего Востока и античную мифологию, основан на большом количестве источников, главным образом сочинениях западноевропейских теологов и историков XVI–XVII веков. Исследователь проанализи-

ровал, как в «Келейном летописце» отразились, с одной стороны, традиции славянских рукописных хронографов, а с другой — сведения из западных печатных источников.

В двух заключительных докладах первого дня работы конференции на разном материале ставился масштабный вопрос о необходимости пересмотра устоявшихся представлений об этапах историко-литературного процесса. Доклад М. Н. Виролайнен (Санкт-Петербург) был посвящен тем особенностям литературной культуры Золотого века, которые не соответствовали логике развития русской литературы и даже были прямо противоположны ей. Согласно задуманной Карамзиным реформе, язык литературы должен был сформировать разговорный язык русского общества, привив ему навыки мышления общества европейского, умеющего выражать те оттенки понятий и чувств, для которых в русском языке еще нет слов и выражений. Это был социальный проект, предопределивший фундаментальный сдвиг внутри литературной иерархии: основная нагрузка ложилась на прозу, которая должна была вытеснить поэзию с ее неоспоримо верховного места. Перспектива развития прозы, казалось бы, открывала прямую дорогу русскому реализму. Однако пушкинская генерация поэтов, считавших себя верными карамзинистами, опрокинула вектор, намеченный Карамзиным. В докладе было показано, что язык поэтов Золотого века сформировался как резко выделенный на фоне общеупотребительного и имеющий собственную систему значений, как непередаваемый, «а особенно в прозу» (П. А. Вяземский). Социальным условием формирования такого языка было существование сообщества, на таком языке говорящего и все его оттенки понимающего. И именно в такое, достаточно замкнутое сообщество сложился круг «Арзамаса». Языковую выделенность этого круга Вяземский в 1826 году выразительно определял как «чужезычие в толпе». Это имело направленность, прямо противоположную выдвинутому Карамзиным социальному проекту, который был подхвачен, как это ни парадоксально, тем лагерем, который уже к 1830-м годам проявил себя как «торговое» направление, нашедшее общее языковое поле с читателем. Представители именно этого направления, а не поэты Золотого века, по мысли М. Н. Виролайнен, передали эстафету следующему поколению, из литературной деятельности которого постепенно развился русский реализм.

Заклучивший первый день работы конференции доклад Е. Е. Дмитриевой (Москва/Санкт-Петербург) «Веймарская классика: завершение классической эпохи или зарождение новой немецкой литературы?» наглядно продемонстрировал всю сложность определения семантических границ понятия «веймарская классика/веймарский классицизм» и хронологических рамок обозначаемой им эпохи, а также подробно осветил причины, которые «делают всякий разговор о немецком классицизме не только сложным, но порой и заводящим

в эпистемологический тупик». Описание и анализ культурной ситуации в Германии последней трети XVIII и начала XIX века и противоречивой истории ее осмысления приводят к мысли о том, что «эпоха веймарской классики, в хронологическом отношении совпавшая с зарождением романтизма в Германии и оказавшаяся даже более „долгосрочной“, чем романтическая эпоха (если приурочивать закат веймарской классики к 1832 году), опрокидывает наши привычные представления о том, что классика (классицизм) предшествует романтизму».

Утреннее заседание второго и заключительного дня работы конференции открылось выступлением Владимира Паперного (Израиль), рассмотревшего роман И. С. Тургенева «Рудин» как текст, возникший на пересечении трех различных, хотя и связанных друг с другом ситуаций перехода — в «культурном слое» русского общества, в русской литературе и в поэтике Тургенева, о чем свидетельствуют, по мнению докладчика, ход и направление авторской работы над сюжетной линией и в особенности над образом главного героя романа.

Доклад И. Э. Васильевой (Санкт-Петербург) был посвящен не только «случаю Чехова» как знаковой для рубежа XIX–XX веков фигуре, но и теоретическим вопросам изучения явления переходности в литературе. Понимая традицию, вслед за А. В. Михайловым, прежде всего, как мышление формы, что позволяет говорить о надперсональном и надкорпоративном уровне организации материала, докладчица проанализировала такое устойчивое формально-смысловое единство, как лирическое отступление, которое понимается как релевантный для русского литературного процесса маркер традиции и новаторства, и показала, что специфика лирического отступления в прозе Чехова определяет писателя «в большей степени как классика, чем модерниста, поскольку все его новые формы письма встроены в классически-ориентированную систему координат». По мысли исследовательницы, именно лирические отступления в прозе Чехова выполняют функцию того маркера, который позволяет нам установить границу начала переходного периода и отсылают к тем отрезкам литературной истории, когда при всем очевидном декларируемом новаторстве еще были значимы традиционные принципы художественного мышления.

В докладе А. Д. Степанова (Санкт-Петербург) «Литература и живопись эпохи предсимволизма: несколько тезисов» указывалось, что русский литературоцентризм проявлялся в реалистической живописи 1870–1890-х годов как стремление авторов заставить картину «заговорить». Произведение искусства ни в коем случае не должно было представлять собой выхваченную из потока жизни сцену, чьи связи с прошлым и будущим оказались бы оборваны. Наоборот, оно было рассчитано не только на узнавание, но и на домысливание зрителем, которому надлежало не просто проникнуться эмоциями художника, но принять

и сформулировать некое вербализуемое послание, а в жанровой живописи — восстановить диалог изображенных лиц и, в идеале, всю предысторию изображенного. При этом нарративность препятствовала распространению в России первого веяния будущего модернистского искусства — импрессионизма в живописи. Цели и ценности этого направления оказывались противоположны привычным для реалистов: вместо «типичности», «цельности», «завершенности», полноты и неизбыточности текста, каждой детали ясно выражающего общественную позицию автора и/или объявляющего «приговор действительности», — утверждались те ценности, которые ранее приписывались лирическому стихотворению: суггестивность и способность передать зрителю мгновенное чувство, которое по самой своей природе не может быть ни типичным, ни цельным, ни законченным, ни социальным, ни оценочным. На примерах полотен К. А. Коровина и других художников Степанов показал эволюцию творческих установок будущих русских модернистов и то, как «социальное послание» сменяется чистым «цветовым пятном» с осветленной палитрой, работой на пленэре, случайным ракурсом, композиционным произволом, неполной рамкой, принципиальной незавершенностью и другими приметам импрессионизма. В литературе эта эволюция соответствовала если не полному отказу от сюжетности, то изменению отношения к предмету изображения, в качестве которого многие писатели рубежа веков стали рассматривать не «историю», а «настроение». Таким образом, корреляция движения от реализма к модернизму в литературе и искусстве может быть осмыслена в литературных терминах как смещение ценностного центра художественной системы от реалистического романа к лирике, от социальной детерминации — к развитию индивидуальной чувствительности, от критериев полноты, завершенности и неизбыточности — к неотбранности и незавершенности как примете живой жизни.

Д. К. Баранов (Санкт-Петербург) обратился к литературе конца XX века в своем выступлении «Интеллектуальное начало в массовой литературе 1990-х: о поэтике Макса Фрая» и отметил, что одной из черт этой переходной эпохи является размывание границ внутри литературной системы — между жанрами, направлениями, разными видами искусства, текстовой и внетекстовой реальностью, а также между условно «высокой» и «низкой» литературой. Творчество Макса Фрая (коммерчески успешный проект художников-концептуалистов С. Мартынич и И. Степина), с точки зрения докладчика, является для такой культурной ситуации исключительно показательным. Балансируя на грани между элитарным и массовым, книги Макса Фрая в своей поэтике, описанию которой и был посвящен доклад, сочетают элементы, традиционные для развлекательных фантазийных текстов, и приемы, используемые для деконструкции жанра и скорее

характерные для интеллектуальной постмодернистской литературы.

В. Е. Вагно и Т. В. Мисникевич (Санкт-Петербург) совместным докладом «Инонациональные „предвестья“ (смена литературных циклов)» открыли вечернее заседание второго дня конференции. Исследователи, прежде всего, отметили, что литературная репутация может претерпевать значительную трансформацию не только на родине писателя, но и в инонациональном контексте, где часто происходят неожиданные повороты и изменения. При этом речь идет не только о приглушении или усилении значимости автора, но и о радикальном переосмыслении, беззастенчивом приспособлении его наследия к идеологическим и эстетическим потребностям других культур при полном игнорировании представлений о нем в национальном обиходе. Докладчики полагают, что крайне любопытной, обуславливающей одни и те же особенности, вне зависимости от эпохи, страны и писательской индивидуальности, является репутация, которая могла бы быть охарактеризована, как «предтеча», «предшественник», «учитель». В этом отношении чрезвычайно показательна эпоха русского модернизма. Деятели эпохи модернизма в России опирались на европейских «учителей» для решения новых задач, но при этом исправляли, дополняли и творчески переосмыслили их. В отличие, например, от литераторов XVIII — начала XIX века они не воспринимали себя учениками знаменитых западноевропейских писателей и мыслителей. Едва ли не все они пытались найти, более того, успешно находили «скрытое» в шедеврах мировой литературы предназначенное для них содержание. Применение этого «тайного знания» и позволяло им, по мнению докладчиков, творить новое искусство.

В сообщении О. В. Макаревич (Санкт-Петербург) была затронута проблема соотношения в малой прозе последних десятилетий XIX века реального, современного, с одной стороны, и условного/выдуманного/давно прошедшего — с другой. Если традиционная легенда обладает замкнутым, исторически локализованным хронотопом, выражая при этом общепсихологические, нравственные идеи, то в творчестве Н. С. Лескова легенды, напротив, тесно связаны с современностью. Этот эффект достигается благодаря отсылкам к современной литературе, современным событиям, детализации, а также с помощью особого, «чрезмерно» стили и лейтмотивного сопоставления тогда/сейчас, которое звучит в речи рассказчика. Схожая трансформация происходит с жанром «рассказа кстати» в лесковском цикле. Лесков усложняет свои произведения: кроме времени события и времени рассказывания, традиционных для жанра анекдота, в его текстах появляется еще и рамочная композиция, позволяющая так или иначе пояснить и уточнить ситуацию рассказывания. Присутствующий в этой рамке рассказчик наделен правом давать оцен-

ки и выводить ситуацию на обобщающий уровень. Как и «проложным» легендам, рассказам à propos свойственно противопоставление настоящего и прошедшего, приводящее в итоге к общепсихологическому, не относящемуся к конкретному времени заключению. Указанные особенности двух циклов позволяют говорить о них как о текстах переходных, отражающих отход от реалистической поэтики.

Михаил Вайскопф (Израиль) выступил с докладом «„Желтая опасность“ в культуре Серебряного века». Возводя генеалогию понятия ко второй половине XIX — началу XX века, эпохе, когда, с одной стороны, Китай сотрясал жесточайший перманентный политический кризис, а с другой — Японская империя стремительно превращалась в грозную мировую державу, исследователь продемонстрировал, как представления об «азиатской угрозе» находили свое отражение в творчестве В. С. Соловьева, В. Я. Брюсова, Андрея Белого и т. д. Анализируя этот сюжет, исследователь также указывает на мотив «внутренней Монголии», проявившийся, например, в 1917 году в стихотворении З. Гиппиус «Веселье» — мгновенном отклике поэтессы на большевистский переворот. Кроме того, в своем выступлении ученый также приводит ряд фактов, выпавших из советской историографии.

Вечернее заседание заключительного дня конференции было завершено выступлением А. В. Сысоевой (Санкт-Петербург) «В поисках нового метода: дискуссия 1930-го года о психологическом реализме», которое было посвящено конфликту между налитпостовцами и литфронтовцами. В докладе была рассмотрена развернувшаяся внутри РАПП дискуссия по поводу опубликованного в июне 1930 года романа Ю. Н. Либединского «Рождение героя», который стал восприниматься как творческое выражение лозунгов налитпостовцев и метода психологического реализма. При этом термин «психологический» обозначал в первую очередь тематику — то, что в тексте на первый план были выведены личная жизнь и мысли героя, а не его трудовая деятельность. Как отметила докладчица, в дискуссии «за» или «против» психологического реализма не было победителей, не правы оказались обе стороны: одних после ее завершения обвиняли в схематизме, других — в индивидуализме.

Подводя итог конференции «Переходные эпохи в литературе: мотивация обновления», можно сказать, что этот научный форум наглядно продемонстрировал многоаспектность проблемы переходности и ее значительный исследовательский потенциал. Объединившая ученых оптика, с помощью которой был осмыслен круг географически, хронологически и методологически разнообразных вопросов, довольно убедительно показала свою широкую применимость.